

Новые слова и новые значения являются необходимым лексическим материалом при изучении английского языка как основного иностранного и отражаются в новейших учебных пособиях [12–14], что позволяет им всегда быть актуальными в плане репрезентации его лексической подсистемы.

### **Библиографический список**

1. Алаторцева, С. И. Проблемы неологии и русская неография : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / С. И. Алаторцева; Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб., 1998. – 317 с.
2. Гак, В. Г. О современной французской неологии / В. Г. Гак // Новые слова и словари новых слов / Новое в русской лексике. Словарные материалы-78 / под ред. Н. З. Котеловой. – Л. : Наука, 1978. – С. 37–52.
3. Елисеева, В. В. Лексикология английского языка : учебник / В. В. Елисеева – СПб. : СПбГУ, 2003. – 44 с.
4. Заботкина, В. И. Новая лексика современного английского языка / В. И. Заботкина. – М. : Высшая школа, 1989. – 124 с.
5. Ильясова, С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова – М. : ФЛИНТА, 2018. – 296 с.
6. Катлинская, Л. П. Живые способы создания русских слов : учебное пособие / Л. П. Катлинская – М. : Прометей, 1995. – 168 с.
7. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи / В. Г. Костомаров – СПб. : Златоуст, 1999. – 320 с.
8. Попова, Т. В. Неология и неография современного русского языка / Т. В. Попова, Л. В. Рацибурская, Д. В. Гугунава – М. : Флинта, 2011. – 167 с.
9. Сенько, Е. В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект / Е. В. Сенько – СПб. : Наука, 2007. – 356 с.
10. Советский энциклопедический словарь / А. М. Прохоров [и др.]; под ред. А. М. Прохорова – 2-е изд. – М. : Советская Энциклопедия, 1982. – 1600 с.
11. Шалина, Л. В. К вопросу о сущности неологизма в современной лингвистике / Л. В. Шалина // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. – 2007. – № 8. – С. 73–77.
12. English. Developing Speaking and Writing Skills = Английский язык. Развитие навыков устной и письменной речи : учебное пособие: в 2 ч. / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернёва. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – Ч. 1. – 348 с.
13. English. Developing Speaking and Writing Skills = Английский язык. Развитие навыков устной и письменной речи : учебное пособие: в 2 ч. / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернёва. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – Ч. 2. – 232 с.
14. English. Developing Speaking and Writing Skills = Английский язык. Развитие навыков устной и письменной речи : учебное пособие: в 2 ч. / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернёва. – Минск : РИВШ, 2023. – Ч. 1. – 348 с.

## **АССОЦИАТИВНО-СМЫСЛОВОЕ ПОЛЕ ДУША КАК УСЛОВИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ Т. ТОЛСТОЙ И К. МЭНСФИЛД)**

***К. А. Грак (Минск, Беларусь)***

Лингвистику XXI века принято считать лингвистикой текста, что подчеркивает интерес и внимание языковедов к данному феномену, поскольку текст является центральным объектом филологических исследований. Сложность и многогранность текста, а также внимание к человеческому фактору в языке и к языковой личности, которая, по справедливому замечанию Ю. Н. Караулова, «стоит за текстом» [1] не позволяет дать ему исчерпывающее толкова-

ние. Текст исследуется нами в коммуникативно-деятельностном аспекте ввиду того, что его коммуникативная предназначенность является определяющей.

При постижении смысла литературных произведений читатель попадает в уникальный мир, построенный художником слова. Согласно концепции Н. С. Болотновой, словесная ткань художественного текста образует ассоциативно-смысловые поля (далее – АСП), т. е. «концептуально организованную совокупность лексических прагмем и информем, являющихся маркерами соотносительных смысловых признаков определенной художественной реалии и формирующих в сознании читателя представления о данном элементе образного строя произведения» [2, с. 157–158]. Мы полагаем, что ассоциативные особенности передают не только единицы лексического уровня, поэтому в нашем понимании АСП – это ассоциативная сеть, возникающая в процессе декодирования художественного произведения, составляющими которой являются ядерные и периферийные структуры, ассоциации и их смыслы как результат взаимодействия единиц различных уровней (от фонетического до синтаксического). Таким образом, для адекватной интерпретации произведений художественной литературы важно установить парадигматические отношения взаимодействующих структур, расположенных дистантно. Цель данной статьи – проанализировать репрезентацию ассоциативно-смыслового поля *душа* в произведениях Т. Толстой и К. Мэнсфилд как условие их тексто- и смыслообразования. Каждому этносу свойственна уникальная способность восприятия действительности, что помогает увидеть яркие и выразительные способы отображения окружающего мира в различных языках.

О наличии души и ее бессмертии у предметов и живых существ рассуждали многие философы, психологи, а также лингвисты, однако единой точки зрения на содержание этого понятия нет. Например, в античной философии Платон рассматривал душу отдельно от тела, а Аристотель, напротив, полагал, что эти понятия неотделимы. Древние мыслители описывали душу как вещество, начало дыхания и познания, существование чего-либо, а также самое высокое, что есть в человеке. Исследователь первобытной культуры Э. Б. Тайлор полагал, что «душа есть тонкий, невещественный человеческий образ, по своей природе нечто вроде пара, воздуха или тела» [3, с. 213].

Одни исследователи приравнивают данное понятие к сознанию, другие – отрицают это. Малый академический словарь А. П. Евгеньевой дает лексеме *душа* следующее толкование: 1. Внутренний психический мир человека, его переживания, настроения, чувства и т. п. 2. Совокупность характерных свойств, черт, присущих личности; характер человека. 3. Разг. Человек (обычно при указании количества, а также в устойчивых сочетаниях). 4. В старину: крепостной крестьянин. 5. (обычно со словом «моя»). Разг. Дружеское фамильярное обращение. 6. Перен. Самое основное, главное, суть чего-либо [4].

Философ Плотин, используя метафорическое сравнение, говорил о том, что тело – инструмент человеческой души, которая пользуется им, как музыкант – лирой. Как ненастроенный инструмент мешает созданию превосходных звуков, так и неидеальное тело мешает деятельности души [5]. Понятие душа находит отражение и в литературных произведениях, где с помощью метафорического переосмысления становится семантически осложненным в результате авторского словотворчества и ассоциативных возможностей читателя. Художественный текст, являясь сложной и объемной организацией, отличается необычной сочетаемостью слов, разнообразием синтаксических и стилистических номинаций, а также их варьированием, что подтверждает безграничные возможности языковой системы, в результате этого происходит ассоциативное расширение известных значений.

В произведениях Т. Толстой ядро АСП с номинатом *душа* представлено ассоциациями и смыслами, которые являются общеизвестными и закреплены в толковых словарях, однако не все вышеперечисленные значения реализуются в прозе Т. Толстой, рассмотрим те, которые составляют ядро ассоциативно-смыслового поля.

1. Внутренний психический мир человека, его переживания, настроения, чувства и т. п.

- *Чуткий инструмент, Сони́на душа* улавливала, очевидно, тональность настроения общества, пригревшего ее вчера, но, зазевавшись, не успевала перестроиться на сегодня («Соня»). На периферии находится структура *чуткий инструмент*. Текстовые ассоциаты выполняют прагматическую функцию и направляют ассоциации читателя. Между ядром и периферией устанавливаются отношения пересечения, поскольку внутренний мир способен приспособливаться, изменяться в зависимости от интересов общества.

- *Наташа носила в своей душе* золотой прозрачный бокал шампанского счастья. К осени Наташа затосковала, билось сердце, слышались голоса, виделись сны («Вышел месяц из тумана»). На периферии находится структура – бокал счастья, имплицитный праздник в душе героини. И Наташа лежала часами, накрывшись с головой одеялом, чтобы ни люди, ни звезды не разглядели топкую помойку, гнилостными грибами корчащуюся в ее душе, не распознали то, о чем не говорят. Периферийной определяем структуру *помойка*, которая имплицитно представляет тяжелое состояние персонажа. Текстовые ассоциаты, представленные однородными структурами (не разглядели, не распознали) конкретизируют общую субъективную модальность, появляется дополнительный оттенок значения – изолированность. Между ядром и периферией складываются отношения исключения (разобщенные понятия), кроме того, устанавливаются дополнительные контрастирующие значения периферии – праздник/тоска.

- *Хозяин светлым, как бы невидящим взглядом профессионала* скользил по Зоиной поверхности. Зоину душу взгляд не зацеплял, будто ее вовсе и не было. <...> Черты ее окаменели и заострились, и давно уж никто не говорил «О!» при встрече с ней, да ей это было и не нужно: синий огонь неизбывного горя, горевший в ее душе, заглушил все огни мира («Охота на мамонта»). Периферийными определяем структуры: *взгляд не зацеплял, ее вовсе и не было; синий огонь*. Между ядром и периферией – контрадикторные отношения, которые реализуются посредством оппозиции отрицание/утверждение: с одной стороны, отсутствие души эксплицитно отрицательными частицами, с другой – ее наличие подтверждает символ огня, в результате чего происходит варьирование смысловых отношений.

- *О блаженное одиночество!* Одиночество ест со сковородки, выуживает холодную котлету из помутневшей литровой банки, заваривает чай в кружке – ну и что? Покой и воля! Семья же бренчит посудным шкафом, расставляет западнями чашки да блюда, ловит душу ножом и вилкой, – ухватывает под ребра с двух сторон, – душит ее колпаком для чайника, набрасывает скатерть на голову, но вольная одинокая душа выскальзывает из-под льняной бахромы, проходит ужом сквозь салфеточное кольцо и – хоп! лови-ка! – она уже там, в темном, огнями наполненном магическом кругу, очерченном голосом Веры Васильевны («Река Оккервиль»). В данном случае наблюдаем контрадикторные отношения ядер, поскольку, с одной стороны, одинокая душа лишается свободы, с другой – она стремится вырваться на волю. Глагольные оппозиции обнаруживают контрастирующую дистрибуцию, выраженную при помощи контекстуальных антонимов (ловит, ухватывает, душит, набрасывает / выскальзывает, проходит ужом). Обилие восклицаний подчеркивает борьбу чувств героя.

- *Петя затрясся в рыдании, ослеп, выбежал, – ботами по мокрым клумбам; душа* сварилась как яичный белок, клочьями повисала на несущихся навстречу деревьях; кислое горе бурлило во рту; добежал до озера, бросился под мокрое, сочащееся дождем дерево; визжа, колотя ногами, тряся головой, выгонял из себя страшные дяди-Борины слова, страшные дяди-Борины ноги. Периферийными определяем комментирующие структуры *яичный белок, клочьями повисла*, которые имплицитно представляют разочарование. Перфектные значения глаголов имеют семы последовательности и результативности, а также способствуют динамизму повествования – создается эффект напряженности, в результате чего автор создает сгущение значений. Ядерная и периферийные структуры находятся в отношениях исключения, ассоциативная мотивированность соединения слов осуществляется через связь структур, дистантно удаленных (душа – яйцо): *Но Ленечка совершенно равнодушен к дядиному занудству: он еще маленький, и душа у него запечатана, как куриное яйцо: все с нее скатывается*. Периферию составляет структура *куриное*

яйцо. Метафорические сравнения создают контраст восприятия жизни героями, следовательно, контраст модальных значений – встревоженность / спокойствие.

## 2. Совокупность определенных качеств личности.

• *Василий Михайлович перегрыз цепь и убежал от Евгении Ивановны; они сидели с Изольдой, взявшись за руки, и он широко распахивал для нее двери своей душевной сокровищницы. Он был щедр, как Али-Баба, а она удивлялась и трепетала.* Периферийной определяем структуру *сокровищница*. Между ядром и периферией устанавливаем отношения включения (совместимые понятия), поскольку душа наполняется новым смысловым объемом – место хранения щедрости, а сказочные аллюзии развивают образный потенциал читателя.

В английском языке лексема *душа* имеет следующие значения:

1. The spiritual part of a person, believed to exist after death; 2. A person's inner character, containing their true thoughts and feelings; 3. The spiritual and moral qualities of humans in general; 4. Strong and good human feeling, especially that gives a work of art its quality or enables somebody to recognize and enjoy that quality; 5. The soul of something a perfect example of a good quality; 6. A person of a particular type; 7. A person (especially in negative sentences) [6].

Не все представленные значения составляют ядро АСП с номинатом *душа* в творчестве К. Мэнсфилд. Проиллюстрируем сказанное примерами.

### 1. Духовная часть человека, которая, как считается, существует после смерти.

• *In the past when they had looked at each other like that they had felt such a boundless understanding between them that their souls had, as it were, put their arms round each other and dropped into the same sea, content to be drowned, like mournful lovers* («A dill pickle»). (В прошлом, когда они вот так смотрели друг на друга, они чувствовали такое безграничное понимание между собой, что их души как бы обнимали друг друга и погружались в одно море, довольствуясь тем, что утонули, как скорбящие влюбленные). Периферийной определяем структуру *the same sea, mournful lovers*, ядро и периферия находятся в отношениях тождества, поскольку духовная связь после смерти имплицитно подчеркивается автором (падали в одно и то же море, готовы утонуть, скорбящие влюбленные).

• *But pray don't imagine that those brackets are a confession of my humility before the mystery of the human soul. Not at all; I don't believe in the human soul. I never have. I believe that people are like portmanteaux – packed with certain things, started going, thrown about, tossed away, dumped down, lost and found, half emptied suddenly, or squeezed fatter than ever, until finally the Ultimate Porter swings them on to the Ultimate Train and away they rattle* («Je ne parle pas français»). (Но, пожалуйста, не воображайте, что эти скобки являются признанием моего смирения перед тайной человеческой души. Вовсе нет, я не верю в человеческую душу. Я никогда этого не делал. По-моему, люди похожи на чемоданы: их набивают всякой всячиной, везут, бросают, кидают, швыряют один на другой, теряют, находят, вдруг наполовину опустошают, потом опять набивают до отказа, пока в конце концов Последний Носильщик не запихнет их в Последний Поезд – и они помчатся неведомо куда с грохотом). Субъективированное повествование от 1-го лица опирается на личный опыт рассказчика, глагольные формы осложняются субъективным модальным значением невозможности загадки души, эксплицированным наречиями (not at all, never). Периферийными определяем конструкции *the mystery, portmanteaux*, которые находятся в отношениях исключения (разобщенные понятия). Глагольные формы повторяющихся действий (packed with certain things, started going, thrown about, tossed away, dumped down, lost and found, emptied or squeezed) направляют читательские ассоциации: душа человека не живет после смерти, ведь человек проходит определенный путь, имеющий начало и конец. Мотивированность соединения слов загадка человеческой души – люди как чемоданы объясняются стремлением экспрессивно описать этот путь и создать приращение смысла – предопределенность жизни.

2. Внутренний мир человека, внутренний характер человека, содержащий его истинные мысли и чувства.

- *«We danced together seven times and we talked the whole time. The music was very slow, – we talked of everything. You know...about books and theatres and all that sort of thing at first, and then – about our souls». «...What?» «I said – our souls. He understood me absolutely. And after the seventh dance...» («Violet»).* (Мы танцевали вместе семь раз и все это время разговаривали. Музыка была очень медленной, мы говорили обо всем на свете. Ты знаешь... сначала о книгах, театрах и тому подобном, а потом – о наших душах. «...Что?» – Я сказала – наши души. Он абсолютно понимал меня. И после седьмого танца...). Претерит указывает на воспоминания героини (danced, talked, understood), глагольные формы выражают совместность действия, кроме того, в смыслообразовании участвует повторение дистантных структур (seven times, the seventh dance), все это способствует ассоциативным приращениям – взаимопонимание двух душ спустя время.

- *«But», said I, feeling very friendly towards him, «the bother about my soul is that it refuses to grapple anybody at all...» («The advanced lady»).* (Но, – сказала я, испытывая к нему очень дружеские чувства, – проблема моей души в том, что она вообще отказывается с кем-либо связываться...). Периферийной определяем структуру the bother, ядро и периферия находятся в контрадикторных отношениях: автор показывает стремление души к соединению с кем-либо, однако появляется дополнительный оттенок модального значения – невозможность связанности к кому-либо (эксплицировано конструкцией refuses to grapple).

- *My brain has been a hive for years, and about three months ago the pent-up waters burst over my soul, and since then I am writing all day until late into the night, still ever finding fresh inspirations and thoughts which beat impatient wings about my heart («The advanced lady»).* (Мой мозг годами был как улей, и около трех месяцев назад сдерживаемые воды хлынули в мою душу, и с тех пор я пишу весь день до поздней ночи, все еще находя свежие вдохновения и мысли, которые нетерпеливыми крыльями бьются о мое сердце). Периферийной определяем структуры the pent-up waters, fresh inspirations and thoughts, которые участвуют в процессе метафоризации, а между членами ассоциативного ряда my brain – my soul – my heart складываются отношения пересечения, поскольку автор показывает борьбу мыслей, где душа становится посредником между обдумыванием и воплощением.

### 3. Духовно-нравственные качества человека.

К. Мэнсфилд показывает отсутствие души, таким образом, между ядерными структурами устанавливаются контрадикторные отношения (объемы понятий противоположны).

- *«Without soul, without heart, without grace».* ‘Без души, без сердца, без грации’. Синтаксическая однородность детерминирует лексическую близость компонентов, объединенных общим содержанием – отсутствие духовно-нравственных качеств.

### 4. Человек определенного типа.

- *You have never been curious about me; soul. No; you wanted me to settle down to your peaceful existence. Oh! how your blindness has outraged me – how I hate you for it!* («The black car»). (Ты никогда не интересовался мной, душа моя. Нет, ты хотел, чтобы я приспособился к твоему мирному существованию. О! как возмутила меня твоя слепота – как я ненавижу тебя за это!) В условиях данного контекста душа приобретает дополнительный смысл, становясь эмоционально-оценочным обращением, что вносит определенную долю противоречия. Субъективированное повествование, обилие восклицаний создает контраст модальных значений – одиночество героини/ненависть.

- *«Oh, well as can be expected, poor little soul. She begged me to come down and have a look at you. Said she knew you were worrying» («A birthday»).* (О, хорошо, как и следовало ожидать, бедняжка. Она умоляла меня спуститься и взглянуть на тебя. Сказала, что знала, что ты беспокоишься). В данном случае душа также выступает как эмоционально-оценочное обращение, но уже с пейоративной окраской. Однако предикаты направляют читательские ассоциации, появляются оттенки модальных значений – сочувствия, нежности – номинат АСП душа утрачивает коннотативно-отрицательную семантику.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Семантический объем исследуемого понятия отличается в русском и английском языках и определяется не только прямым значением отдельных слов или словосочетаний, но и ассоциациями, сформированными ими. Ассоциативные особенности передают как единицы лексического уровня, так и грамматического.

2. Т. Толстая и К. Мэнсфилд наполняют большим смысловым объемом ассоциативно-смысловое поле с номинатом душа. Периферию формируют ассоциаты с оценочной, нетипичной характеристикой, выражающие индивидуально-авторское восприятие, а метафорические сравнения помогают выстраивать богатые ряды ассоциаций. Кроме того, между ядром и периферией устанавливаются различные логико-смысловые отношения: 1) в русском языке – пересечения, исключения; 2) в английском языке – тождества, исключения. Весь спектр установленных в тексте модальных значений дает возможность многомерного прочтения художественных произведений разноструктурных языков.

### **Библиографический список**

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 1987. – 261 с.
2. Болотнова, Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте / Н. С. Болотнова. – Томский гос. пед. ин-т. – Томск, 1994. – 210 с.
3. Тайлор, Э. Первобытная культура / Э. Тайлор. – М.: Политиздат, 1989. – 572 с.
4. Малый академический словарь Евгеньевой А. П. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/mas/%D0%B4/%D0%B4%D1%83%D1%88%D0%B0>. – Дата доступа: 12.08.2023.
5. Плотин. Эннеады. В 7 т. / Пер. Т. Г. Сидаша под ред. О. Л. Абышко. (Серия «Plotiniana»). – СПб. : Издательство Олега Абышко, 2004–2005. – 240 с.
6. Oxford learners dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/soul?q=soul>. – Дата доступа: 12.08.2023.

## **ТЕМАТИЧЕСКИЙ РЯД ОБРАЗОВ-СИМВОЛОВ «КУХНЯ, ПРИГОТОВЛЕНИЕ ПИЩИ, ЕДА» В РОМАНАХ Т. МОРРИСОН, Л. ЭСКИВЕЛЬ, Ш. УИЛКЕРСОН**

***Е. В. Гранкина (Минск, Беларусь)***

Едва ли будет ошибочным утверждать, что к числу вечных литературных образов наравне с Гамлетом, Фаустом, Дон Кихотом относятся и образы, связанные с едой. Хотя, казалось бы, что может быть более далеким друг от друга, чем философские раздумья Гамлета или Фауста о природе и назначении человека и размышления о том, что предпочесть на обед (как, например, в *Обломовке*, где «...об обеде совещались целым домом; и престарелая тетка приглашалась к совету» [1])? Однако выступая, по замечанию Г. Козубовской, «фундаментальным объектом бытия» [2], продукты, блюда, процесс их приготовления, вписанные в образно-символическую систему художественного произведения, часто становятся объектом исследования в современном литературоведении [3, 4], значимость этой темы в научном дискурсе подтверждает, например, и проводимая Институтом славяноведения РАН конференция «Концепт еды в славянских культурах».

Традиция изображать еду в тексте берет начало еще в Античности: в сатирах Горация (книга II, сатира 8), в «Сатириконе» Петрония (эпизод «Пир Трималхиона»). И уже с тех времен образ еды интерпретируется как ключ, открывающий доступ к новым уровням прочтения текста.

Материал для настоящего исследования дали романы американской писательницы Т. Моррисон «Возлюбленная», мексиканки Л. Эскивель «Шоколад на крутом кипятке»